

Л.А. СЕДОВ

Социология для России

Автор полагает: чтобы понять 20 лет смуты, через которые прошла Россия, западная социология мало чем может помочь. Опираясь на узкую концепцию индивида, она не позволяет ни описать, ни объяснить русскую реальность.

Ключевые слова: российская социология, социологический анализ, российская цивилизация.

Western sociology can be of little help in understanding of 20 years of troubles that passed through Russia. Based on the narrow concept of a private individual, it does not allow either describe or explain the Russian reality.

Keywords: Russian sociology, sociological analysis, the Russian civilization.

Попытки западных исследователей либерального направления истолковать события, происходившие в России последние два десятилетия, опираясь на парадигму западных революций, не имели особого успеха. В русской истории периодически воспроизводится чередование тоталитарных периодов с неизменным утверждением режимов, которые можно охарактеризовать как “самоокупацию”. Их важнейшая черта состоит в том, что та или иная правящая элита по образцу оккупационной власти организует государство под своим контролем и в собственных интересах, в то время как подчиненное ей население несет тяготы неравенства и нищеты. За тоталитарными фазами следуют фазы посттоталитарные: поскольку власть слабеет, открываются большие возможности для “игры”, помогающей формированию новых элит, которые, в свою очередь, заявляют о претензиях на власть. Именно под таким углом зрения следует рассматривать процессы, происходящие сегодня в России, – как образование новой элиты и возникновение новых политических и экономических страт в режиме “самоокупации”.

С началом экономических реформ Е. Гайдара – Б. Ельцина экономика страны, до того времени совершенно не знакомая с монетарным регулированием, остававшаяся глухонемой (если можно сравнить деньги с “языком” экономики), обрела этот язык. Но язык только в смысле запаса слов, без грамматики, включающей в себя строго определенные отношения собственности, юридические институты, банковскую систему, в общем – язык денег. До сих пор, по сути, не удалось привести в порядок все необходимое, чтобы могла проявиться вся эта “языковая культура”, так что экономика России говорит на ломаном языке (типа “моя твоя не понимай”...). Новый “язык” действует в среде, в которой сильны еще правила старого “языка”.

Последствиями такой гибридизации социальных структур являются: сохранение господства государственной собственности в основных сферах экономики, в секторе энергетики, на транспорте, в ЖКХ; непрерывное перераспределение и передел собственности в пользу военных и полицейских предпринимателей; ограбление народа посредством фиктивных финансовых институтов, девальваций и последующих банкротств. На основе этих неустоявшихся социально-экономических отношений образовалась новая

элита, олигархия, находящаяся в конфликте, с одной стороны, с традиционными для России секторами, где преобладают отношения силы и могущества (они вновь обрели силу с приходом к власти В. Путина), а с другой – с широкой неформальной оппозицией, объединяющей “красно-коричневых”, и фрагменты старой номенклатуры (ущемленной в период смены элит при Ельцине), а также криминальные элементы, которые народ рассматривает как Робин Гудов, и, наконец, преступный бизнес.

Истекшие двадцать лет продемонстрировали не только кризис всех сфер социальной и политической жизни, но также несостоятельность русской социологии и основанных на ней социальных практик. Социальная мысль в своих результатах “плавает” между двумя типами хорошо известных утопий – западничества и славянофильства. Западный подход опирается на социологические и политологические модели, заимствованные и перенесенные на русскую почву, подобно тому, как происходит заимствование технических достижений. С той, однако, разницей, что технологические заимствования имеют дело с гомогенными материалами, каким бы ни было место их происхождения, в то время как социальные науки оперируют человеческим материалом, всегда разнородным и особенным в различных культурах и формах цивилизации. А об этом-то до недавнего времени и считалось хорошим тоном умалчивать в интересах политической корректности.

В советский период влечение многих специалистов-гуманитариев к западным концептуальным схемам было понятно и заслуживало уважения: это была попытка вырваться из оков марксистского учения – одновременно догматического и утопического, все дальше расходящегося с реальностью. Но в то же время появилось убеждение, что экономические и политические теории, принятые на Западе, универсальны и могут быть без изменения перенесены в нашу реальность.

К сожалению, процессы последних 20 лет ставят под вопрос эффективность таких переносов. Подобно тому, как, например, законы классической механики видоизменяются при очень высоком давлении, так же и законы социологии трансформируются в условиях общества, подвергавшегося в течение долгого времени режиму “самоокупации”. Наивно полагать, как это делают некоторые сверхоптимистически настроенные политологи, будто “выдавливание раба” (все еще сидящего внутри нас) будет происходить не капля за каплей, а сплошным потоком... Чтобы огромные человеческие массы изменились таким образом, недостаточно одного поколения или одного десятилетия трагических событий; такие события могут в лучшем случае “расшатать” генетический код культуры. Чтобы понять этот человеческий материал, необходимы социология и политология, радикально отличные от тех, что пришли к нам из благополучных западных стран, с их концептами “гражданского общества”, “парламентаризма”, “партийной системы”, сознания “налогоплательщиков” и т.д. В условиях российской реальности сегодняшнего (и завтрашнего) дня такие социология и политология не могут описать и объяснить что бы то ни было. Вот почему судьба либерального проекта в России выглядит в лучшем случае проблематичной.

Следует ли из этого, что правы славянофилы, утверждающие, что у России особый, только ей присущий путь? Надо признать, что в настоящий момент их интуиция позволяет им сделать некоторые правильные наблюдения. Беда, однако, в том, что они не обладают инструментами познания специфически русской реальности, поскольку, в силу своего русского темперамента, они более аффективны, чем рациональны. Они стремятся не столько к познанию, сколько к созданию мифов, искажающих, оправдывающих или прославляющих эту реальность. В частности, им присущи идеализация дореволюционного прошлого России и непонимание того, что советский период представлял собой не разрыв с российской традицией, а наоборот, полное и последовательное ее и русского менталитета воплощение в новых формах.

Западники понимают эту преемственность и правы, когда стремятся приложить к русскому объекту рациональные методы познания и изучения. Только это не значит, будто тем самым становится возможным использование аппарата категорий западной социологии: ведь эта социология сформировалась в индивидуалистическом обществе,

состоящем из независимых индивидов, защищенных своей собственностью как продолжением их личности. Дополнительные сложности возникают у отечественных социологов в связи с тем, что основной чертой долгих десятилетий советского периода развития был разрыв с общественно-научной мыслью Запада как с мыслью “идеологически чуждой”. Разумеется, определенные контакты сохранялись, но они не только не поощрялись, а напротив, преследовались. В результате в постсоциалистический период российским социологам пришлось срочно “наверстывать упущенное”. Однако такое “догоняющее развитие” не может не нести в себе дефекты поверхностности. Причем эти проблемы характерны не только для науки России, но и всех постсоциалистических стран. Так, ординарный профессор, научный сотрудник Института социологии Польской академии наук И. Курчевская отмечает как важную проблему развития польской социологии поспешное принятие новых исследовательских техник, которые оказывались оторванными от породившей их теоретической мысли, придающей им смысл и позволяющей контролировать их применение [Курчевская, 2010, с. 272].

Главный вопрос западной социальной мысли – это вопрос, поставленный Т. Гоббсом: “Как воспрепятствовать неизбежной войне всех против всех в обществе, состоящем из независимых индивидов?”. И в дальнейшем у всех социологов будет возникать вопрос: “Как возможно установить порядок?”, вопрос, сопровождаемый изучением механизмов интеграции в социальную жизнь (механизмов солидарности, юридических, политических и т.д.). В России, где всегда преобладали силовые и иерархические отношения, при которых личность редко достигала состояния взрослого индивида, оставаясь на подростковой стадии, главная проблема для общественной мысли ставилась иначе: “Как снять (смягчить, сделать приемлемым) угнетение каждого каждым, состояние всеобщего рабства и приниженности?”. «Как “оправдать” такое общество?». “Какая в нем может быть мораль?”. И: “Откуда берется совесть?”. Отсюда то моральное напряжение, которое прославило русскую литературу с ее вниманием к “униженным и оскорбленным”, к “малым сим” (если возможно, с большой буквы). Отсюда же неуважение к юридическим средствам организации, дискредитация закона, жизнь “по понятиям”, с верой в то, что из этого вытекает. Вместо правовых систем у нас опираются на мощные идеологические конструкции, цель которых – в оправдании существующего бесчеловечного порядка посредством утопических иллюзий возможности построить “Царство Божие” на Земле. В религии доминируют не этические начала, а ритуальная сторона, провозглашение “Божьего милосердия” в ответ на смирение и возжигание свечей.

Результаты на практике – преступность, попытки достичь блаженного “Царства Божия” здесь и сейчас с помощью всевозможных наркотиков, пресловутое “терпение”, переходящее в не менее пресловутый бессмысленный и беспощадный бунт. В качестве механизма компенсации за давление иерархической системы – теплота непосредственных человеческих отношений (сердечность, дружелюбность), пренебрежение к элементарным условиям комфорта, способность тратить деньги не считая (“бескорыстие”), склонность рассуждать о “возвышенном”, вместо того чтобы решать реальные вопросы, и духовность, широта взглядов в противоположность западной “приземленности”. В общем, возникает вечный вопрос: «Какой путь должен пройти наше общество, чтобы наши столь “одухотворенные”, искренние и бескорыстные граждане смогли вместе с тем жить как эти приземленные люди Запада?».

Вот весьма краткий перечень – всего лишь наметка – тех проблем, которые должны были бы стоять в центре внимания русской социологии. Во всяком случае это то направление, по которому мы должны идти, если, отказавшись от неадекватных анализов гражданского общества, партий, парламентаризма, мы хотим действительно понять реальность, в которой живем, понять *нашу* цивилизацию и ее будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Курчевская И. Пять случаев из истории польской социологии, многое говорящих о ее идентичности // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши. М., 2010.